

С.Г. Петров*

S.G. Petrov*

Памфлет «Нечто о Валаамском сумасшествии» о переходе Валаамского Спасо-Преображенского монастыря на новый календарный стиль

doi:10.31518/2618-9100-2022-2-05

УДК 343.43+726.7“192”

Выходные данные для цитирования:

Петров С.Г. Памфлет «Нечто о Валаамском сумасшествии» о переходе Валаамского Спасо-Преображенского монастыря на новый календарный стиль // Исторический курьер. 2022. № 2 (22). С. 74–91. URL: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-2-05.pdf>

Pamphlet “Something about Valaam Madness” about the Transition of the Valaam Monastery of the Transfiguration of the Savior to a New Calendar Style

doi:10.31518/2618-9100-2022-2-05

How to cite:

Petrov S.G. Pamphlet “Something about Valaam Madness” about the Transition of the Valaam Monastery of the Transfiguration of the Savior to a New Calendar Style // Historical Courier, 2022, No. 2 (22), pp. 74–91. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-2-05.pdf>]

Abstract. After the collapse of the Russian Empire, the new independent states formed on its former outskirts, where Orthodox believers turned out to be a religious minority. They faced difficult problems of creating church organizations, determining their status, changing jurisdiction and leadership, relations with state power and religious authorities, and forced de-Russification. Orthodox believers in the territories ceded to independent Finland were no exception. One of the acute problems for them was the transition in liturgical practice to a new calendar style in the 1920s. The calendar reform, carried out under pressure from the authorities, caused resistance from a significant part of the believers of the Finnish Orthodox Church. In the Valaam Monastery of the Transfiguration of the Savior, one of the largest and most significant Russian monasteries of that time, the transition to the new style caused a split, which became a tragic page in its history. The conflict between supporters and opponents of the new calendar was also reflected in the literary tradition of the monastery. The purpose of this work is to consider and publish the original work of an unknown author, the pamphlet “Something about the Valaam Madness”, created as a result of the calendar turmoil in the monastery. The only handwritten copy of this work is in the National Archives of the Republic of Karelia. It is noted that in this work, in a bright satirical form, the abbot of the monastery and his leadership, who recognized the Gregorian calendar, are condemned. It is determined that the appearance of the pamphlet was caused by the severity of the confrontation between supporters and opponents of the calendar reform. The content of this work is analyzed, which is based on fiction and the historical realities of the life of the monastery of that time. The characters of the pamphlet were identified and their real names were given. The date of its creation has been established and an attempt at attribution has been made. The pamphlet is published in accordance with modern publishing requirements.

Keywords: Russian Orthodox Church, Orthodoxy in Finland, Valaam Monastery of the Transfiguration of the Savior, Pamphlet “Something about Valaam Madness”, calendar reform, publication of sources.

The article has been received by the editor on 20.03.2022.

Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Петров Станислав Геннадьевич**, кандидат исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: petrov_istochnik@mail.ru
Petrov Stanislav Gennadievich, Candidate of Historical Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: petrov_istochnik@mail.ru

Аннотация. После распада Российской империи в образованных на ее бывших окраинах новых независимых государствах православные верующие оказались религиозным меньшинством. Они столкнулись с непростыми проблемами создания церковных организаций, определением их статуса, смены юрисдикции и руководства, отношений с государственной властью и религиозными органами управления, принудительной дерусификации. Не исключением были и православные верующие на территориях, отошедших к получившей самостоятельность Финляндии. Одной из острых проблем для них стал переход в богослужебной практике на новый календарный стиль в 1920-е гг. Проведенная под давлением власти календарная реформа вызвала сопротивление существенной части верующих Финляндской православной церкви. В Валаамском Спасо-Преображенском мужском монастыре, одной из крупнейших и значительных русских обителей того времени, переход на новый стиль вызвал раскол, ставший трагической страницей его истории. Конфликт между сторонниками и противниками нового календаря нашел отражение и в литературной традиции монастыря. Цель настоящей работы – рассмотреть и опубликовать созданное в результате календарной смуты в монастыре оригинальное сочинение неизвестного автора – памфлет «Нечто о Валаамском сумасшествии». Единственный рукописный список этого произведения находится в Национальном архиве Республики Карелия. Отмечено, что в данном произведении в яркой сатирической форме осуждаются игумен монастыря и его руководство, признавшие григорианский календарь. Определено, что появление на свет памфлета вызвано остротой противостояния сторонников и противников календарной реформы. Проанализировано содержание данного сочинения, в основу которого положен художественный вымысел и исторические реалии жизни монастыря того времени. Проведена идентификация персонажей памфлета, названы их подлинные имена. Установлена дата его создания и сделана попытка атрибуции. Памфлет публикуется в соответствии с современными эдизционными требованиями.

Ключевые слова: Русская православная церковь, православие в Финляндии, Валаамский Спасо-Преображенский монастырь, памфлет «Нечто о Валаамском сумасшествии», реформа календаря, публикация источников.

В одном из архивных дел фонда Валаамского Спасо-Преображенского мужского монастыря в Национальном архиве Республики Карелия находится рукописный список литературного памятника Новейшего времени с названием «Нечто о Валаамском сумасшествии»¹. Жанр его определен архивистами как памфлет и зафиксирован в названии архивного дела и в написанном ими пояснении, предваряющем текст памятника. Если исходить из «Листа использования документов» данного дела, то можно насчитать больше двух десятков исследователей, обращавшихся к этому памятнику с марта 1959 по сентябрь 2019 г. – времени начала моей работы с ним в архиве Петрозаводска. Многие из них ограничивались его просмотром, другие делали выписки или снимали копии, а отдельные исследователи даже микрофильмировали.

Атрибутировать и точно датировать данный памятник архивистам не удалось. На обложке архивного дела так и указано – «Памфлет неизвестного “Нечто о Валаамском сумасшествии”» и чуть ниже приведены хронологические границы периода, когда было создано это произведение – «1920-е[–]1930-е годы». В опубликованной в советское время аннотации к архивному фонду монастыря этот памятник не упомянут вообще².

Видимо, одними из первых в литературе ссылку на архивное дело с этим произведением дали карельские исследователи О.Я. Яровой и И.А. Смирнова, авторы книги об истории Валаамского монастыря с дореволюционного времени и до первых двух советских десятилетий включительно, когда обитель находилась уже в составе автономной Финляндской православной

¹ Национальный архив Республики Карелия (НАРК). Ф. 762. Оп. 1. Д. 121. Л. 2–8 об.

² Центральный государственный архив Карельской АССР: путеводитель. Петрозаводск, 1963. С. 86.

церкви. Ими была приведена и краткая характеристика данного произведения: «Писательский талант старостильников дал жизнь оригинальному сочинению “Нечто о валаамском сумасшествии”, в котором введение нового стиля было представлено как происки сатаны»³.

Далее в подстрочнике ими было отмечено, что это сочинение сохранилось в единственном списке, близко по жанру к памфлету, и появилось после 1924 г., так как глава Финляндской церкви называется уже архиепископом. Здесь же был дан краткий пересказ содержания и сделан вывод, что в заключительной части памфлета «откровенно критически характеризуются члены монастырского правления», которые называются «уничжительными именами и даже кличками». Авторы книги считают, что это сочинение, вероятно, было написано для распространения внутри монастыря среди его насельников.

По всей видимости, их стараниями памфлет привлек в последние годы к себе внимание более широкого круга читателей. В интернете можно узнать, что в современных условиях российской жизни памятник обрел особую актуальность среди тех, кто сегодня выступил против приемов и методов, которыми остров Валаам освобождали от местных жителей, не связанных с монастырем, в связи с передачей по указу Президента Российской Федерации острова обители (к сожалению, из интернетовских публикаций нельзя понять, каким образом идет приобщение современного читателя к памфлету «Нечто о Валаамском сумасшествии» – посредством их знакомства со сделанной с оригинала рукописной копией, или ксерокопией, или электронным образом)⁴. Упоминается этот памфлет и его название и в официальных документах, направленных главе Республики Карелия теми, кто не был согласен с правовой и судебной практиками выполнения этого указа⁵.

Не отрицая приведенной карельскими исследователями даты создания памфлета – после 1924 г., можно и более точно определить ее исходя из приведенных в данном сочинении реальных событий, как это, собственно, и пытались сделать авторы книги о Валаамском монастыре. Отмечу, что упомянутый в памфлете владыка Герман (Аав) стал архиепископом в 1925 г., когда на Соборе Финляндской православной церкви был избран ее предстоятелем и в июне утвержден на этом посту с титулом архиепископа Карельского и всея Финляндии. Однако в действительности он управлял Финляндской церковью с начала 1924 г. – после того, как был отправлен на покой в декабре 1923 г. его предшественник архиепископ Карельский и Выборгский Серафим (Лукьянов). В памфлете речь идет об ожидаемом в обители визите нового архипастыря, стойкого сторонника григорианского календарного стиля. Согласно художественному замыслу автора памфлета, он должен прибыть вдвоем с чертом, послан самого сатаны, в качестве его секретаря. Трудность здесь состоит в том, что новый архиерей посещал Валаамский монастырь и в 1924 г., и в 1925 г.

Впервые владыка Герман прибыл в монастырь с архипастырским визитом 25 июня 1924 г., вызвав неоднозначную реакцию братии. Если

Рис. 1. Архиепископ Карельский и всея Финляндии Герман (Аав).

Источник иллюстрации: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki%20/1292541>
(дата обращения: 12.01.2022)

³ Яровой О.Я., Смирнова И.А. Валаамский монастырь и Православная церковь в Финляндии. 1880–1930-е гг. (из истории финнизации православной конфессии). Петрозаводск, 1997. С. 127.

⁴ Шмелева С. Валаамский конфликт: правота силы или сила правоты? [Электронный ресурс]. URL: <https://7x7-journal.ru/articles/2017/11/01/valaamskij-konflikt-pravota-sily-ili-sila-pravoty> (дата обращения: 17.11.2021).

⁵ Смирнова И.А., Юрна Я.Ю. Документ: «Выселение наших друзей было началом позорной традиции, связанной с именем Валаамского монастыря». Открытое письмо изгоняемых РПЦ МП жителей Валаама главе Республики Карелия [Электронный ресурс]. URL: <https://credo.press/163355/> (дата обращения: 17.11.2021).

считать, что в памфлете имеется в виду этот приезд архипастыря, то тогда появление на свет данного сочинения можно датировать не позднее 25 июня 1924 г. Но в этом случае сохраняется требующее пояснений противоречие: почему в памфлете епископ Герман называется архиепископом. Объяснить произошедшее можно тем, например, что его предшественник владыка Серафим (Лукьянов) имел сан архиепископа, который был автоматически перенесен и на преемника.

Во второй раз уже архиепископ Герман прибыл на Валаам 20 сентября 1925 г., причем монастырское начальство, учитывая непростую ситуацию в обители, заранее обратилось к нему с просьбой об отмене намеченного визита. Приехал он не один, а сопровождая высокого гостя – митрополита Фиатирского Германоса (Стринопулоса), экзарха константинопольского патриарха в Западной Европе. Напомню, что в это время Финляндская православная церковь уже состояла в юрисдикции Константинопольского патриархата. Если исходить из содержания памфлета, в котором говорится, что архиепископ Герман должен был приехать в монастырь в свите черта, посланника сатаны, то получается, что константинопольский патриарх и его посланник митрополит Германос, инспектирующий монастырь, смелым художественным воображением автора памфлета были уподоблены inferнальным персонажам.

Думаю, что дата создания памфлета – не позднее 20 сентября 1925 г., связанная со вторым визитом архиепископа Германа, является более убедительной. Она подкрепляется еще и тем, что упоминаемые в качестве главных героев памфлета иеромонах Харитон (Дунаев), иеросхимонах Ефрем (Хробостов), иеромонах Андрей (Грачев) вошли в руководство Валаамского монастыря как раз осенью 1925 г., после устранения с занятых ими постов старостильных монахов.

Настроения и чувства, которые владели памфлестом при создании сочинения «Нечто о Валаамском сумасшествии», совпадают с тем состоянием, в котором пребывали и другие очевидцы всего происходившего в то время в обители. Много лет спустя, вспоминая об архипастырском визите 1925 г. двух архиереев в Валаамский монастырь, свидетель их приезда архимандрит Афанасий (Нечаев) так писал о настроениях, царящих в монашеской среде: «Грозный это был момент для Валаама. Решалась его духовная судьба. Ошибка в выборе грозила разрушительными последствиями. И мне пришлось наблюдать, как волновались и даже плакали монахи. Шли непрерывные совещания по кельям даже по ночам, когда стало известно, что в субботу приезжает архиепископ Герман с митрополитом Германосом. Малограмотные монахи начали изучать церковные каноны – целые томы книг с комментариями. Как потревоженный муравейник, кипел Валаам. Сновали с непривычной торопливостью монахи, спрашивали друг друга с трепетом: а как думает такой-то старец? И уже все сразу почувствовали, что не найти им всеобщего согласного решения, что нару-

Рис. 2. Архиепископ Финляндский и Выборгский Серафим (Лукьянов). 1919 г.

Источник иллюстрации:

https://www.ortodoksi.net/images/5/5a/Serafim_arkkipiispa01.jpg (дата обращения: 12.01.2022)

Рис. 3. Митрополит Фиатирский Германос (Стринопулос).

Источник иллюстрации: <https://antimodern.ru/germanos-strenopoulos/> (дата обращения: 12.01.2022)

шены между ними мир и согласие навсегда, что наступил конец безмятежной иноческой жизни. И вспомнилось каждому, как пришел он из мирского мятежа в эту тихую пристань, как думал здесь успокоиться навсегда. И вдруг сломалось, закружилось все в водовороте, проснулись дремавшие страсти, появились враждебные чувства осуждения начальства, и диавол жал обильную жатву в святых душах»⁶.

Сказать сегодня, кто является автором сочинения «Нечто о Валаамском сумасшествии», практически невозможно, но мне кажется, что все же можно сделать некоторые предположения. Если исходить из уровня осведомленности в жизни обители и его насельников, который продемонстрирован в памфлете, то можно крайне осторожно предположить, что данное сочинение принадлежит монахам, которые несли послушание в канцелярии монастыря. В пользу этого предположения говорит тот факт, что в памфлете, по всей видимости, обыгрывается для образования прозвища одного из упоминаемых в сочинении чернецов его светская фамилия, которая могла быть известна из документов канцелярии монастыря – личного дела и послужных списков. Считаю, что прозвище «Афонька» придумано на основе светской фамилии «Афонин» имевшего высокий духовный авторитет валаамского схимонаха Пиония, большого друга других названных в памфлете монахов. Напомню также, что для более ранних периодов российской истории, как показано, например, в работах В.П. Андриановой-Перетц, создание сатирических и пародийных произведений было нередко делом представителей духовного сословия, причастных к ведению канцелярской работы⁷. И все же видится, что исследование проблемы атрибуции памфлета требует более серьезных усилий, и решение ее возможно на путях всестороннего изучения литературных традиций Валаамского монастыря.

Мне уже приходилось писать о том, что история этого монастыря как литературного центра Нового и Новейшего времени практически не исследовалась, и сегодня можно говорить только о многочисленных отдельных монастырских письменных памятниках, в последние десятилетия достаточно интенсивно вводимых в обиход и публикуемых вне научной традиции⁸. В обобщающих

Рис. 4. Канцелярия Валаамского монастыря.
Источник иллюстрации: Валаамский летописец.
М., 2013. С. 112–113 (вставка с фотографиями)

трудах по истории литературы в Карелии приводятся произведения Нового времени, созданные только в самобытной литературной школе старообрядческого Выго-Лексинского общежития⁹. В отношении же Валаама можно назвать, пожалуй, лишь фундаментальное исследование Н.А. Охотиной-Линд, в котором подведен итог изучения истории библиотеки, скриптория и книгописания в самый ранний период существования обители¹⁰. Время для создания серьезного обобщающего труда по истории литературы Валаамского монастыря, видимо, еще не пришло. Хотя монахи этой обители были активны не только в создании произведений в традиционных монастырских жанрах – составлении духовных дневников, келейных записок, житийных повествований, описаний паломнических поездок и т.д. Среди

⁶ Афанасий (Нечаев), архимандрит. От Валаама до Парижа. М., 2011. С. 28–29.

⁷ Русская демократическая сатира XVII в. М.; Л., 1954. С. 160–161.

⁸ Петров С.Г. Переход Валаамского монастыря на новый календарный стиль в освещении иеромонаха Памвы (Игнатъева) // Исторический курьер. 2020. № 2 (10). С. 86–87. URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-2-07.pdf> (дата обращения: 17.11.2021).

⁹ История литературы Карелии. Петрозаводск, 2000. Т. 3. С. 19–25.

¹⁰ Охотина-Линд Н.А. «Сказание о Валаамском монастыре»: Исследование, текст, перевод с древнерусского, комментарии. СПб., 1996. С. 117–149.

них были и церковные историки, и публицисты, и прозаики, и даже поэты, чьи литературные опусы увидели свет еще при жизни самих авторов.

В сохранившемся фрагменте послесловия к памфлету, являющегося неотъемлемой частью самого произведения (в нем дается идентификация основных персонажей и продолжается наделение не менее уничижительными характеристиками уже реальных монахов), данное сочинение называется статьей. Все это говорит нам о том, что памфлет был написан с целью его публикации в периодической печати того времени, видимо, эмигрантской, русскоязычной. Но ответить на вопрос, был ли этот текст опубликован или так и остался в рукописи, не представляется возможным из-за отсутствия соответствующих указателей и справочников. Окончательное решение этой проблемы требует глубокой и всесторонней ее проработки.

Вполне возможно, что памфлет имел хождение только в рукописной традиции и внутри монастыря, как об этом сказано в книге О.Я. Ярового и И.А. Смирновой. Сохранившийся дневник валаамского иеромонаха Памвы (Игнатьева) однозначно свидетельствует, что имелись монастырские сторонники старого календарного стиля, писавшие статьи для периодических изданий. Так, в дневниковой записи, сделанной в октябре 1925 г., сразу же после фиксации им подробностей о визите константинопольского митрополита Германоса и сопровождавшего его архиепископа Германа, сообщается следующее: «Сегодня въ 3 дня на пароходъ Сергій выслали изъ монастыря въ Россію Іером[онаха] Поликарпа: Причина та что онъ посылалъ въ газѣту русскія Новыя вѣсти статьи противъ Церковнаго правленія»¹¹. Вполне возможно, что кто-то из старостильных монахов, постоянных авторов периодики тех лет, и был составителем памфлета.

В приведенной дневниковой записи иеромонаха Памвы речь идет о стороннике юлианского стиля иеромонахе Поликарпе (Шорине), авторе многочисленных статей в периодических изданиях того времени¹². Родился он в 1874 г. в сельце Вознесенском Шлиссельбургского уезда Петербургской губернии. Из крестьян, в учебных заведениях не учился. В 1894 г. поступил в Валаамский монастырь, в 1900 г. был зачислен в послушники. В 1907 г. пострижен в монашество. В 1909 г. рукоположен в иеродиакона, в 1910 г. – в иеромонаха. В монастыре трудился огородником, смотрителем Предтеченского скита, письмоводителем канцелярии. Иеромонах Поликарп был организатором древлехранилища Финляндской епархии и его заведующим, состоял членом епархиального Историко-археологического комитета. Заведовал монастырской часовней в Петрограде и состоял благочинным и духовником Линтульского женского монастыря. С 1917 г. исполнял должность правителя дел монастырской канцелярии с зачислением в состав старшей (соборной) братии. Весной 1918 г. выехал по монастырским делам в Петроград, вернуться не смог, находился при Московском подворье обители. В 1923 г. прибыл на Валаам с Петроградского подворья монастыря. Он столь долго не получал

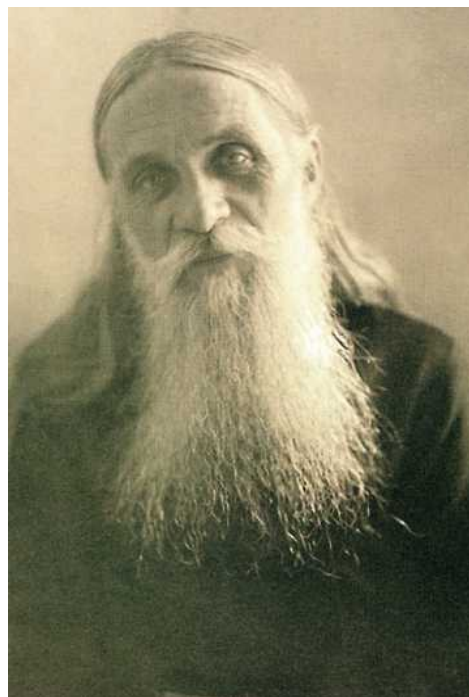

Рис. 5. Иеромонах Памва (Игнатьев) (1877–1965). Источник иллюстрации: <https://valaam.store/upload/iblock/8be/8beb8a7015a327806159110a43e35892.jpg> (дата обращения: 12.01.2022)

¹¹ Петров С.Г. Переход Валаамского монастыря на новый календарный стиль... С. 103.

¹² О нем см.: Иеромонах Поликарп (Шорин Петр Васильевич) (1874–?) [Электронный ресурс]. URL: http://zarubezhje.narod.ru/mp/p_144.htm (дата обращения: 17.11.2021); Московское подворье Валаамского монастыря. Страницы истории подворья. Иеромонах Поликарп (Шорин) [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/wall-24488299_4254 (дата обращения: 17.11.2021); Кузнецов В.А. Русское православное зарубежное монашество в XX в.: биографический справочник. Екатеринбург, 2015. С. 322–323.

разрешения на возвращение в Финляндию, так как у высокопоставленных финских чиновников имелись сведения о его неблагонадежности¹³.

В 1923–1925 гг. иеромонах Поликарп нес послушание монастырского уставщика. В 1924–1925 гг. временно исполнял должность эконома монастыря. Весной-летом 1925 г. преследовался финскими властями за дореволюционные публикации в газете «Новое время», якобы враждебные по отношению к финнам, и распространение среди братии призывавших к смуте листовок, полученных в результате переписки с главой Русской православной церкви за границей митрополитом Антонием (Храповицким). Обвинения эти были изложены в статье «Один русский интриган» в одной из финских газет в мае 1925 г. с призывом к властям расследовать изложенные факты. Несмотря на опровержение иеромонаха Поликарпа, признанное газетой малоубедительным, монастырем было проведено расследование, оправдавшее его, но поставленное под сомнение Церковным управлением Финляндии, которое потребовало повторно рассмотреть это дело. Финские чиновники и епископ Герман (Аав) хотели устранить иеромонаха с занимаемых должностей и исключить из соборного правления монастыря, несмотря на уверения настоятеля в его лояльности к новостильным монахам¹⁴. Осенью 1925 г. он был выслан в Россию. В 1926 г. жил у родственников в поселке Усть-Ижора, служил в сельской церкви Пестовского района Ленинградской области. В 1937 г. был арестован, в январе 1938 г. приговорен к высшей мере наказания, расстрелян.

Конечно, нельзя утверждать, что в октябрьской 1925 г. дневниковой записи иеромонаха Памвы имелась в виду в том числе и попытка о. Поликарпа, который тяготел к литературной работе и был канцеляристом в монастыре, отправить статью с памфлетом «Нечто о Валаамском сумасшествии» в газету «Новые русские вести», которая выходила в Гельсингфорсе с декабря 1923 по июнь 1926 г. Но и исключать такую возможность, если даже он и не был автором памфлета, на мой взгляд, тоже нельзя.

Дневник иеромонаха Памвы (Игнатьева) говорит и о том, что в противостоянии монахов сторонники старого стиля и письменно, и устно наделяли согласившихся с новым календарем чернецов, особенно духовное начальство обители, иронически уничижительными, а то и оскорбительными характеристиками. Сходного порядка обличения нашли свое отражение на страницах памфлета и сохранившегося фрагмента послесловия к нему. Неприятие было не только вербальным, оно зачастую проявлялось в непристойных протестных поступках, о которых свидетельствует, например, переломанный на части посох настоятеля, оставленный им в соборе обители, или выпачканное неоднократно смолой крыльцо кельи настоятеля монастыря¹⁵.

Приведу только несколько дневниковых записей иеромонаха Памвы со сведениями о публичных обличениях монахами новостильного начальства. Как никакие другие нарративы, они дают представления о той напряженной монастырской атмосфере, в которой создавался памфлет «Нечто о Валаамском сумасшествии». Уже в записи от 5 февраля 1922 г. Памва сообщает следующее: «Возмими наше собрание въ трапезе поводу новаго стиля. Ето собрание гордецовъ; тутъ были личныя счетъ съ О[тцомъ] Игуменомъ: Начали говорить чтобы опять править по старому стилю; и дошли до того что вспомнили 15 лѣтъ тому назад, и наговорили О[тцу] настоятелю всякихъ колкихъ словъ»¹⁶.

А 4 апреля 1922 г. он отмечает, что в монастыре появились и «гадкие» по своему содержанию тексты, оформленные в виде анонимных писем: «Сегодня въ трапези О[тець] Игумень Павлинь читаль 3 анонимныхъ письма. 2 ему подброшено, а 1 одно нашему Архіепископу Серафиму; все 3 письма гадко написано, Владыку называютъ еритикомъ и

¹³ Московское подворье Валаамского монастыря. Страницы истории подворья. Иеромонах Поликарп (Шорин) [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/wall-24488299_4254 (дата обращения: 17.11.2021).

¹⁴ Шевченко Т. Введение нового стиля (григорианского календаря) в Валаамском монастыре в 20–30-е гг. прошлого столетия: Приложения. Аннотированная опись документов [Электронный ресурс]. URL: www.golubinski.ru/suomi/shevchenko_valaamstil_ist.htm (дата обращения: 17.11.2021).

¹⁵ Петров С.Г. Переход Валаамского монастыря на новый календарный стиль... С. 97, 102.

¹⁶ Там же. С. 97.

прочее. Задеть О[тець] намесникъ, я грешный Памво названъ забѣгалкой и Вѣнера покровительница, монах Аркадій названъ очень похабно»¹⁷.

Новый всплеск противостояния в Валаамской обители, приведший к появлению обличительных монашеских текстов, которые для публичного ознакомления братии были вывешены на больничном заборе, отмечен иеромонахом Памвой в дневниковой записи с двойным летосчислением от 23/10 февраля 1925 г.: «Сегодня утромъ на заборѣ около больницы: налепили такую записку: О[тець] Игумень масонъ еретик не зналъ какъ дожидатся смерти О[тца] Игумена Маври[кія], вступилъ на игуменство за 3 копеечную булку. Его надо отправить въ заграницу въ Германію проповѣдовать масонство; О[тца] Ефрем[а] Иеросхимона[ха] надо заколотить въ ящикъ и отпр[а]вить ибо они возили залотыя др[а]гоц[е]нности куптцу. А О[тець] Памво блуднитца»¹⁸. Как видим, в приведенной иеромонахом монашеской записке, которую более правильно назвать листовкой, упомянуты те же основные персонажи, что и в памфлете «Нечто о Валаамском сумасшествии» – настоятель монастыря игумен Павлин (Мешалкин) и духовник иеромонах Ефрем (Хробостов).

Последняя из таких записей Памвы, обозначенная им опять же двойной датой – 6 мая / 23 апреля 1926 г., содержит сообщение уже об устных обвинениях новостильного настоятеля обители в уклонении в ересь: «12 дня отправили с последнею почтою 2 рясофор[ныхъ] мон[аха] на берегъ; раздели за неповиновенія О[тцу] Игумену: и его называли ерѣтикомъ въ церковь они не ходили; всѣ изъ за старого стилия; отправили ихъ с полецейскимъ»¹⁹.

Находясь в предельно накалившейся в монастыре обстановке, автор памфлета, обладая незаурядным творческим потенциалом, сопротивляясь реалиям жизни и желая повлиять на ее дальнейший ход, поставил перед собой сходную задачу обличения монастырского руководства и новостильного монашества Валаамской обители. Он плотно вмонтировал текущие события и настоящих монахов в свой художественный вымысел, выстроив достаточно четкую композиционную схему созданного им сатирического повествования. Сродни тому, как это делалось в хорошо известных произведениях писателей XIX – начала XX в., например, в сказках В. Одоевского «Городок в табакерке» или М. Горького «Случай с Евсейкой», памфлетист использовал сон и сновидение как основу для построения своего нарратива, отправив главного героя – безымянного валаамского монаха – в потусторонний мир сатаны и его приспешников, сделав невольным свидетелем всего происходившего там. По сути, здесь можно говорить об использовании художественных приемов такого жанра, как видения, который представлен в литературном наследии Валаамского монастыря, по крайней мере исследователям известно одно из таких произведений – повесть о видениях иеромонаха Сергия, список которой хранится в Вятском собрании БАН²⁰.

Согласно сюжету памфлета, его герой, настойчивый искатель религиозной истины, не добившись ничего от умудренных в этих вопросах людей, прибегнул к последней инстанции – обратился к Богу с просьбой помочь ему разобраться в этом вопросе. После долгих и

Рис. 6. Игумен Павлин (Мешалкин).
Источник иллюстрации: <https://sergey-v-fomin.livejournal.com/218668.html?mode=reply> (дата обращения: 12.01.2022)

¹⁷ Петров С.Г. Переход Валаамского монастыря на новый календарный стиль... С. 97.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Признателен за данную информацию Л.В. Титовой, которой сообщил об этом А.В. Пигин.

усердных молитв монах заснул и оказался в аду, пытался преодолеть свой страх молитвами всем святым («выручите; спасите, кричалъ не своимъ голосомъ монахъ»²¹), но черти были расторопнее: схватили монаха, доложили об этом куда следует и после допроса отправили под конвоем во дворец к сатане на суд.

Но волею автора герой памфлета попадает не на суд, а на назначенный в то время у сатаны торжественный прием чертей-послов со всего мира. Оказавшись в приемной дворца среди именитых посольств, монах обращает внимание на одного едва заметного черта, который в памфлете удостоивается подробного описания, и, как потом выясняется, сделано это было неслучайно: «...тоже – посланникъ: видъ его былъ жалкій, кожа вс[я] была изодрана, рога поломаны, копыт[а] растресканы, да и хвостъ-то чуть видн[е]лся, какъ будто его на половину оборвал[и][,] стоялъ онъ въ углу и думу горькую дума[лъ] какъ-бы ему предсамимъ княземъ сатан[ой] оправдаться, не говоря ужъ о наградахъ, лишь бы живымъ уйти изъ дворца, то было-бы это для него находкой»²².

Далее в памфлете следует детальная картина торжественного шествия сатаны во дворец в тронный зал с пением и музыкой, дворцовым оркестром, выстроенными шпалерами войсками, проходом длинной вереницы всех послов с поклоном до земли своему повелителю, включая и драного черта, пением гимна сатане как «державному князю» и усаживанием хозяина преисподней на «великолепный трон». Сам сатана наделяется автором памфлета «привычным орлиным взором», которым он окидывает всех пришедших в зал заседания дворца.

После всего этого начинаются доклады чертей-посланников о проделанной нелегкой работе на Земле. Несмотря на заявленный всемирный характер заседания, автор памфлета концентрирует внимание читателя исключительно на российских реалиях, о которых отчитываются послы – московский, кронштадтский и петроградский. Из всех трех самым успешным оказывается «сановитый, да[,] кажись[,] и знаменитый» посол из Москвы, который «учинилъ тамъ много безпорядковъ[,] грабежа и убійствъ» и еще тем порадовал своего повелителя, что принес ему в подарок в портфеле душу В.И. Ленина, вынув ее на всеобщее обозрение. Сатана одарил московского черта «милостивым взглядом» и обещал наградить его, чем привел докладчика в неописуемый восторг: даже усевшись в «золоченое кресло», посол продолжал потирать «ручки отъ удовольствія, что онъ такъ блестяще исполнилъ свое порученіе»²³.

А вот два других докладчика вызвали «праведный гнев» и ярость сатаны, несмотря на большую работу, проделанную под их руководством в ходе Кронштадтского восстания, когда под бомбардировками советской авиации было «перебито и потонуло» много людей, и судебного заседания по делу об изъятии церковных ценностей в Петрограде, по итогам которого по научению черта-посла был расстрелян митрополит Вениамин (Казанский). Реакция князя тьмы на доклады получила в рассматриваемом сочинении ярчайшее описание. В отношении кронштадтского докладчика «сатана разразился на него своимъ праведнымъ гневомъ и закричалъ: прочь дуракъ съ моихъ глазъ?! ведь души[-]то ихъ къ намъ и не попали, ведь они шли за свои идеи»²⁴. Автор памфлета даже посочувствовал прогнанному в три шеи из зала дворца послу-дураку: «...тяжело и обидно было послу[,] ну что делать? куда пойдешь жаловаться?!»²⁵. Столь же негативную оценку получила деятельность и петроградского докладчика: «еще пуще разразился на этаго посла[-]негодяя; даже закричалъ отъ негодованія и закричалъ на посла с упрекомъ: душа[-]то убитаго митрополита не попала къ намъ сюда[,] и тутъ-же въ залъ велелъ его бить и мучить предъ всеми, напрасно Петроград-

²¹ НАРК. Ф. 762. Оп. 1. Д. 121. Л. 2.

²² Там же. Л. 2 об.

²³ Там же. Л. 3–3 об.

²⁴ Там же. Л. 3 об.

²⁵ Там же.

скій посоль молиль о пощадѣ, но ея не было[,] и его съ великимъ позоромъ выгнали вонъ изъ зала»²⁶.

Кульминация повествования наступает, когда сатана заслушал и других послов, о которых в памфлете не говорится ничего («четвертый[,] и пятый[,] и такъ далее»), но опять приведено впечатление от их докладов: «сатана выходилъ изъ себя отъ злобы и досады, очень онъ ужъ остался недоволенъ своими послами; время много провели, а все бесполезно»²⁷. На авансцене появляется весь испуганный, трясущийся от страха, как в лихорадке, падающий ниц драный черт, на которого его владыка бросает «брезгливыи видъ[,] заскрежетавъ зубами, но рѣшилъ подождать[,] что онъ скажетъ въ оправданіе»²⁸. И тут выясняется, что этот черт – валаамский посланник, что приводит сатану в радостное ласковое состояние.

Автор памфлета отводит докладу с Валаама больше половины от общего объема своего сочинения, подробно повествуя о том, как поэтапно, шаг за шагом, черт обрабатывал настоятеля монастыря и приближенных к нему монахов из руководства монастыря, а затем при помощи их и имевших высокий духовный авторитет монастырских старцев, уговаривая отказаться от старого календарного стиля, и достиг в этом деле блистательных результатов: «Какъ только я прибыль на Валаамъ, то съ перваго-же дня началъ свою деятельность, сначала началъ внушать безтолковому Попкѣ Мешалкину[,] этой глупой птицѣ – долой старое – надо новое[,] и онъ оралъ до хриплости встречному и поперечному, – что надо новое, но что надо новое? того онъ и самъ не зналъ и продолжалъ кричать: новое. Потомъ я ему внушилъ, что у васъ и праздники-то не какъ у людеи – въ два ряда, надо праздновать въ одинъ рядъ: но какже это? надо по[-]новому»²⁹.

В памфлете имена монахов не называются, а скрываются под всевозможными прозвищами и кличками, так или иначе связанными с подлинными их именами. Настоятель обители игумен Павлин (Мешалкин) выведен под просторечным прозвищем попугая – Попка, духовник иеросхимонах Ефрем (Хробостов) назван Ефремкой, наместник и эконом иеромонах Харитон (Дунаев) – Хритошкой, благочинный иеромонах Андрей (Грачев) – Андрюшкой, авторитетные старцы схимонахи Сисой (Тепленев) и Пионий (Афонин) – старыми скворцами Сисоем и Афонькой. Как видим, идентификация этих персонажей памфлета не столь сложна, за исключением, может быть, только Афоньки. Все они выведены в данном сочинении в карикатурных образах.

Автор памфлета подверг всех их, новостильных монахов, предельно язвительной критике, упрекам и насмешкам, показав отрицательные стороны жизни монастыря при переходе к новому стилю, в том числе и доносы («ябеды»), тайное шпионство, взятки. По сути, в докладе черта-посла был изложен процесс принятия руководством монастыря и многими монахами навязанного в приказном порядке Церковным управлением Финляндии григорианского календаря, разделившего братию на два непримиримых лагеря. Неслучайно, по замыслу памфлетиста, в сочинении слышатся сетования патронировавшего календарную реформу черта о неимоверных усилиях, которые он приложил для претворения данного плана в жизнь.

Рис. 7. Иеромонах Харитон (Дунаев) и иеросхимонах Ефрем (Хробостов).

Источник иллюстрации: <https://valaam.ru/publishing/641378/> (дата обращения: 12.01.2022)

²⁶ НАРК. Ф. 762. Оп. 1. Д. 121.Л. 4.

²⁷ Там же. Л. 4.

²⁸ Там же. Л. 4–4 об.

²⁹ Там же. Л. 4 об. – 5.

Своеобразным рефреном в докладе черта повторяются слова о сложностях, с которыми посланник сатаны столкнулся, внедряя новый стиль в Валаамском монастыре: «...сначала как[-]то наше дело начало пошатываться, вижу дело плохо[,] и я начал подыскивать себѣ помощниковъ; долго искалъ, наконецъ нашель Ефремку да Хритошку, которые ухаживали и терлись около Попки»³⁰, и потом вновь: «но опять все[-]таки мое дѣло начало пошатыват[ь]ся[,] не прочно стоять, сказаль бесъ-посоль: что делать? какъ быть? наконецъ я вспомнилъ, что новое[-]то все и есть въ зависимости отъ астрономій; вотъ я и внушилъ Попке[,] что[,] моль[,] астрономія-то и есть все новое»³¹.

Чтобы усилить отстаиваемые позиции в борьбе с монахами-новостильниками, памфлетист заставляет даже внимательно слушавшего доклад сатану удивиться и перебить докладчика своим уточняющим вопросом: «...неужели это правда?! ведь весь миръ неможетъ съ этой астрономіей разобраться, а у васъ разобрались?!»³². На что драный черт, взбодрившийся от собственного рассказа о свершенном, величаво отвечает сатане: «...мои верныя слуги Ефремка съ Хритошкой въ одинъ мигъ и разобрались, да и другимъ внушили, что астрономія[-]то и есть новое, а новое такъ и есть новое, новое лучше стараго»³³. Как видим, ситуация доводится до логического абсурда, когда весь мир не может разобраться с «астрономией» (очевидно, пасхалией), а двое валаамских монахов делают это мгновенно. Естественно, что все произошедшее с ними в заданной автором нарративной парадигме может быть объяснено только одним – бесовским наущением, превращением монахов в «верных слуг» посланника сатаны.

Автор памфлета сообщает, что за осуществление календарной реформы торжествующий сатана не просто стал хвалить валаамского черта, а обнял и поцеловал его и даже приказал позолотить рога и немедленно поправить здоровье своего посланника, основательно пошатнувшееся в борьбе со старостильными монахами: «потомъ посадилъ его рядомъ съ собою и для посрамленія другихъ и въ знакъ особой милости сатаны, надель на его голову свою корону»³⁴.

Повторное прибытие посланника сатаны на Валаам автор памфлета связывает с ожидаемым визитом в монастырь главы Финляндской православной церкви архиепископа Германа (Аава), отметив особо, что он будет секретарем в свите выздоровевшего и отдохнувшего черта. Заканчивается сочинение пробуждением монаха, радостным от того, что ему удалось вырваться из преисподней, и удивленным от увиденного во сне, от осведомленности чертей в календарных делах Валаама. Памфлетист отправляет своего героя странствовать по свету и рассказывать всему миру о «валаамском сумасшествии».

Проведенный анализ содержания памфлета, как мне кажется, подтверждает наблюдения И. Паперно, касающиеся интерпретации повествований о снах в эго-документах советского времени, о том, что сновидения зачастую «рассматриваются как символическая репрезентация жизненной ситуации и эмоционального состояния субъекта»³⁵. Конечно, памфлет – это не эго-документ, но его автору именно через сновидение своего героя удалось представить и ситуацию, в которой оказался Валаамский монастырь в связи с переходом на новое летосчисление, и собственное эмоциональное состояние.

Сохранившийся список памфлета «Нечто о Валаамском сумасшествии» представляет собой текст, написанный без разбивки на абзацы коричневыми чернилами на семи с оборотами листах, близких по формату к А4. Имеется также собственная пагинация с колонцифрами, проставленными вверху посередине на каждой из 14 страниц. В конце памфлета имеется написанный теми же почерком и чернилами фрагмент послесловия, окончание которого не сохранилось. Послесловие это имеет важное значение для понимания содер-

³⁰ НАРК. Ф. 762. Оп. 1. Д. 121. Л. 5.

³¹ Там же. Л. 5 об. – 6.

³² Там же. Л. 7.

³³ Там же. Л. 7 об.

³⁴ Там же. Л. 7 об. – 8.

³⁵ Паперно И. Советская эпоха в мемуарах, дневниках, снах. Опыт чтения. М., 2021. С. 228.

жания данного сочинения, так как здесь раскрываются настоящие имена персонажей и исключительно негативно характеризуются их личные качества.

Предваряющий памфлет текст, написанный фиолетовой шариковой ручкой карельскими архивистами, во многом повторяет содержание дефектного послесловия, но в нем акцент не совсем верно делается на непростых взаимоотношениях между разными православными церквями, которые были частями единой до 1917 г. Православной российской церкви. Приведем этот текст полностью: «Памфлет имеет ввиду разногласия между отдельными течениями в православной церкви после отделения эмигрантов-церковников от русской церкви, признавшей советскую власть. Разногласия вызваны, формально, спором о новом и старом стилях летосчисления. “Попка” – настоятель м[онасты]ря, игумен Павлин; “Ефремка” – духовник о. Ефрем, “Харитюшка” – наместник, о. Харитон». Отмечу, что первоначально вместо слова «эмигрантов» было написано «эмигрантских»³⁶.

Текст памфлета и послесловие написаны по дореволюционным правилам русского языка с многочисленными грамматическими и пунктуационными ошибками. Напомню, что Валаамский монастырь был крестьянским, мужицким монастырем с монахами, зачастую нигде не учившимися, которые в лучшем случае частным порядком были обучены элементарной грамоте. На данном этапе изучения памфлета трудно сказать, это автограф автора или копииста. Особенностью текста является отсутствие точек в конце некоторых предложений, вместо них часто использовались запятые и точки с запятой. Текст насыщен прямой речью персонажей памфлета, которая пунктуационно никак не выделяется. Все это создает определенные трудности при чтении памфлета. Другой отличительной чертой этого текста является использование прописных букв, которые зачастую не ставились в начале предложений, и вообще путаница с простановкой заглавных и строчных букв. При его подготовке к изданию возникают эдичионные проблемы, схожие с теми, которые решают археографы при публикации старообрядческих памятников народной письменности XX в.³⁷ Памфлет «Нечто о Валаамском сумасшествии» и послесловие к нему публикуются с сохранением орфографии и пунктуации оригинала. Пропущенные буквы, запятые, дефисы и имеющиеся сокращения дописываются в квадратных скобках. Сохраняется также авторская передача прямой речи и написание прописных и строчных букв.

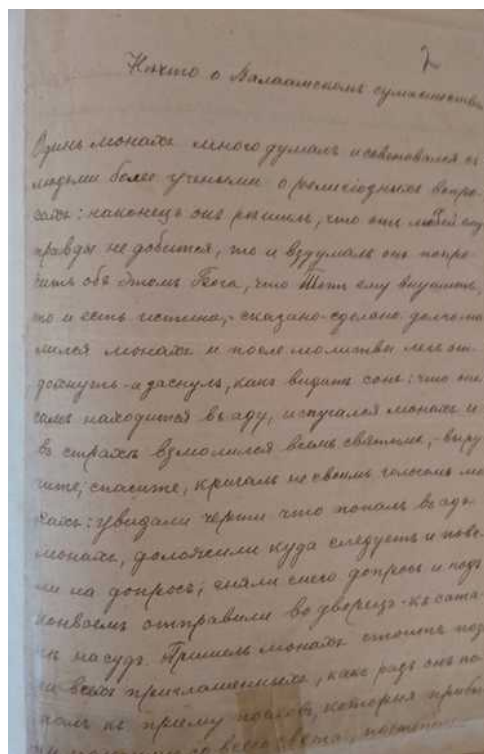

Рис. 8. Рукописный список памфлета «Нечто о Валаамском сумасшествии» (НАРК. Ф. 762. Оп. 1. Д. 121. Л. 2)

³⁶ НАРК. Ф. 762. Оп. 1. Д. 121. Л. 1.

³⁷ Например, см.: Урало-сибирский патерик: тексты и комментарии: в 3 т. М., 2014. Кн. 1 (Т. 1–2); 2016. Кн. 2 (Т. 3).

* * *

(л. 2) Нѣчто о Валаамскомъ сумасшествіи

Одинъ монахъ много думаль и советовался съ людьми более учеными о религіозныхъ вопросахъ: наконецъ онъ рѣшилъ, что отъ людей ему правды не добит[ь]ся, то и вздумаль онъ испросить объ этомъ Бога, что Тотъ^а ему внушить, то и есть истина, – сказано-сделано: долго молился монахъ и после молитвы легъ отдохнуть – и заснулъ, какъ видить сонъ: что он самъ находится въ аду, испугался монахъ и въ страхѣ взмолился всемъ святымъ, – выручите; спасите, кричалъ не своимъ голосомъ монахъ: увидали черти[,] что попалъ въ адъ монахъ, доложили куда следуетъ и повели на допросъ; сняли снего допросъ и подъ конвоемъ отправили во дворецъ – къ сатанѣ на судъ. Пришелъ монахъ[,] стоитъ позади всехъ приглашенныхъ, какъ разъ онъ попалъ къ приему пословъ, которыя прибыли накануне со всего света, постепенно // (л. 2 об.) приемная наполнялась посольствомъ, ме[ж]ду ними было много и именитыхъ, но чемъ – дальше, темъ ниже и проще, а въ само[мъ] углу едва заметно стоялъ чортъ[,] тоже – посланникъ: видъ его былъ жалкій, кожа вс[я] была изодрана, рога поломаны, копыт[а] растресканы, да и хвостъ-то чуть видн[е]лся, какъ будто его на половину оборвал[и][,] стоялъ онъ въ углу и думу горькую дума[лъ][,] какъ-бы ему предсамимъ княземъ сатан[ой] оправдаться, не говоря ужъ^б о наградахъ, лишь бы живымъ уйти изъ дворца, то было-бы это для него находкой. Вдругъ до его слуха донеслось пеніе и музыка, эт[о] игралъ дворцовый оркестръ, а на площади дворца стояли шпалерами войска, – шествіе во дворецъ сатаны было устроен[о] торжественное, еще сильней забеспокоился нашъ чортъ-посланникъ[,] которыи ст[о]ялъ въ углу, но вотъ сатана и во дворце[,] и уже взошелъ въ заль своего заседанія[,] // (л. 3) длинной вереницеи взошли въ заль заседанія послы, тутъ-же былъ драный чертъ[-]посоль, позади всѣхъ взошелъ и монахъ. Все разомъ поклонились до земли сатане и пропѣли гимнъ какъ державному князю: сатана доволенъ былъ торжественной встречей, онъ сдѣлалъ знакъ[,] чтобы все стихло^в, и онъ началъ усаживат[ь]ся на свой великолѣпный – тронъ; князь-сатана окинулъ привычнымъ орлинымъ взоромъ заль заседанія и пословъ, а потомъ велелъ подходить посламъ съ докладами. Вотъ вышелъ одинъ пасоль сановитый, да[,] кажись[,] и знаменитый; ниже пояса поклонился своему повелителю и чортъ-посоль началъ докладывать: вотъ былъ я въ Москвѣ и учинилъ тамъ много безпорядковъ[,] грабежа и убійствъ, да вотъ вамъ еще принесъ въ подарочекъ – вынимая изъ портфеля душу Ленина¹; // (л. 3 об.) взглянулъ на своего посланника сатана милостивымъ взоромъ и промолвилъ: готовься къ награде; еще ниже поклонился чортъ-посоль своему повелителю[,] отошелъ въ сторону и селъ на золоченое кресло – потирая ручки отъ удовольствія, что онъ такъ блестяще исполнилъ свое порученіе; после него подошолъ и второй посланникъ[,] участвовавшій при бомбандировке Кронштадта², – онъ докладывалъ; что много черезъ его труды перебито и потонуло людей; и что онъ и есть всему этому делу голова: сатана разразился на него своимъ праведнымъ гневомъ и закричалъ: прочь дуракъ съ моихъ глазъ?! ведь души[-]то ихъ къ намъ и не попали, ведь они шли за свои идеи; сатана далъ знакъ[,] и кронштадскаго посла вытолкали въ три шеи изъ зала дворца, тяжело и обидно было послу[,] ну что делать? куда пойдешь жаловаться?! // (л. 4) Взошолъ третій посоль, это изъ Петрограда, которыи научилъ большевиковъ убить митрополита Веніамина³: еще пуще разразился на этаго посла[-]негодяя; даже закричалъ отъ негодованія и закричалъ на посла с упрекомъ: душа[-]то убитаго митрополита не попала къ намъ сюда[,] и тутъ-же въ залѣ велелъ его бить и мучить предъ всеми, напрасно Петроградскій посоль молилъ о пощадѣ, но ея не было[,] и его съ великимъ позоромъ выгнали вонъ изъ^а зала. Потомъ подошли четвертый[,] и пятый[,] и такъ далее, наконецъ

^а Исправлено коричневыми чернилами из ранее написанного: тотъ;

^б вписано коричневыми чернилами поверх ранее написанного: о;

^в исправлено коричневыми чернилами из ранее написанного: стихно;

^г исправлено коричневыми чернилами из ранее написанного: закричалъ;

^а исправлено коричневыми чернилами из ранее написанного: ись;

очередь дошла и до оборванного чорта[-]посла: сатана выходилъ изъ себя отъ злобы и досады, очень онъ ужь остался недоволенъ своими послами; время много провели, а все бесполезно: подошоль этотъ драный чортъ-посоль[,] весь трясась[,] какъ въ лихорадкѣ, ниць упаль предъ^е своимъ владыкой: сатана бросиль // (л. 4 об.) брезгливыи видъ[,] заскрежетавъ зубами, но рѣшилъ подождать[,] что онъ скажетъ въ оправданіе: встань! сказалъ сатана; всталъ оборванный чортъ[-]посоль[,] еще сильнеи его затрясло; откуда?! сказалъ сатана: съ Валаама...^ж[,] дрожащимъ голосомъ[,] едва слышно[,] ответилъ чортъ-посоль; ахъ[,] съ Валаама?! да скажи-же, что тамъ дѣлается? заинтересовался сатана[,] ну[,] рассказывай скорей; я буду тебя слушать со вниманіемъ, сказалъ уже совсемъ мягко[,] даже ласково[,] сатана. Ободрился чортъ-посоль[,] и онъ повелъ свою речь; Какъ только я прибылъ на Валаамъ, то съ перваго-же дня началъ свою деятельность, сначала началъ внушать безтолковому Попкѣ Мешалкину⁴[,] этой глупой птицѣ – долой старое – надо новое[,] и онъ ораль до хриплости встречному и поперечному, – что надо новое, но что надо новое? того онъ и самъ // (л. 5) не зналъ и продолжалъ кричать: новое. Потомъ я ему внушилъ, что у васъ и праздники-то не какъ у людей – въ два ряда, надо праздновать въ одинъ рядъ: но какже это? надо по[-]новому. Собрали сходъ[,] долго обсуждали этотъ вопросъ, но все[-]таки Попка остался победителемъ, сначала как[-]то наше дело начало пошатываться, вижу дело плохо[,] и я началъ подыскивать себѣ помощниковъ; долго искалъ, наконецъ нашель Ефремку⁵ да Хритошку⁶, которые ухаживали и терлись около Попки. Бывало утромъ Ефремка весь обвешанъ³ крестами[,] несеть корму (ябеды) Попке[,] махая крестомъ на право и на лѣво, Хритошка-же шель сзади Ефремки съ водичкой (с лукавыми предложеніями). Подойдя къ клетке, они кланялись Попке другъ передъ другомъ – кто ниже: и обыкновенно говорили, ну[,] какъ по[-]новому лучше[,] Попочка?! если лучше?! то дадим // (л. 5 об.) корму и водички новой, а Попка и радъ къ услугамъ, да какъ закричить ...новое... новое... все новое?!... переглянутся отъ удовольствія Ефремка съ Хритошкой и зашепчутся, что[,] моль[,] наша беретъ, а Попка все смотреть, смотреть, да и впрямь новое[-]то лучше[,] рассуждая своей глупой головкой, – ужь къ вечеру до того раскричится, что даже – охрипнетъ; Ефремка съ Хритошкой засуетятся, забегаютъ, ахъ[,] какъ жалко Попку[-]то – какъ бы неиздохъ?! вестимо дело[,] надо къ лекару: приходитъ Андрюшка⁷ святой (тайный шпіонъ) и приносить какого[-]то снадобья (морфій)[,] полечить немного заботливо, да и домой; но опять все[-]таки мое дѣло начало пошатыват[ь]ся[,] не прочно стоитъ, сказалъ бесъ-посоль: что делать? какъ быть? наконецъ я вспомнилъ, что новое[-]то все и есть въ зависимости отъ астрономій; вотъ я и внушилъ Попке[,] что[,] моль[,] // (л. 6) астрономія-то и есть все новое⁸. Въ одинъ пасмурный день передъ дождемъ, а может быть и передъ грозой[,] скворцы подняли такую возню и суматоху[,] что у Попке голова вскружилась, заболела, после этой возни и суматохи подошли как[-]то Ефремка съ Хритошкой; не успели они поклонит[ь]ся Попке; а Попка какъ крикнетъ: все новое и новую астрономію! смекнули [о]ни въ чемъ тутъ дело и нашли астрономію [с]о временъ Ноя; раскрыли Ефремка съ Хритошкой астрономію; Хритошка по складамъ началъ читать астрономію, а Ефремка подсказывать, – вдругъ они наткнулись, что земля-то стоитъ на вертикальной оси[,] стой! сказалъ Ефремка[,] земля[-]то и вертится на оси вокругъ солнца, – вотъ и рисунокъ: действительно на рисункѣ красовался черный кругъ величиной съ пятакъ съ проткнутой как бы иголкой оси[.] // (л. 6 об.) Ось! ось! закричалъ Еф[р]емка: твоя правда[,] сказалъ Хритошка – ось! такъ и земля[-]то держится и вертится на оси вокругъ солнца, стало быть наша правда[,] сказалъ Ефремка: правда! правда! сказалъ Хритошка; ну а завтра пойдемъ мы усмирять этими доказательствами старых[ь] скворцовъ (старцевъ[-]законоучителей). Ефремка съ Хритошкой набрали много всякаго корму (взятокъ) для самыхъ старыхъ скворцов[ь]. Явились къ одному очень старому скворцу, у этаго стараго скворца небыло даже и перьевъ на головѣ, зато борода была хоть косу заплетай, до нога подшиблена[,] съ палкой едва ходитъ; кличка этаго стараго скворца

^е далее коричневыми чернилами повторно: предъ;

^ж здесь и далее многоточие в рукописи;

³ исправлено коричневыми чернилами из ранее написанного: обвешанъ;

«Сисой»⁹. ну[,] Сисой[,] ведь лучше-же новое?! новое... новое... новое лучше?! пропель Сисой; ну а Хритошка тряхнул[ъ] кисой“ (сумкой)[:] и посыпалось[,] и полилось. Пришли къ другому скворцу Афоньке¹⁰ курносому[,] показали ему астрономію[,] // (л. 7) повертель Афонька астрономію да и сказалъ: што ефто тутъ вокругъ-то солнца кругляшь-то стоитъ? да это и есть земля-то на оси[,] сказалъ Хритошка: Ефремка поддакнуль, непонимаю что-то вашу астрономію: – для разьясненія Ефремка зажегъ лампу, а Хритошка вынулъ увесистый свертокъ и началъ вертеть около лампы, ну, смотри! теперь старина[,] гдѣ светло и гдѣ темно? поняль Афонька въ чемъ тутъ дело и сказалъ: совершенно – верно: я признаю вашу астрономію[;] такимъ-же способомъ и признали многія эту астрономію, что[,] дескать[,] надо все по[-]новому, по астрономій. Ну астрономія мнѣ и помогла, благо люди[-]то ученыя: тутъ сатана прервалъ чорта[-]посла и спросиль: неужели это правда?! ведь весь миръ неможетъ съ этой астрономіей разобраться, а у васъ разобрались?! вотъ тото и оно – ответилъ // (л. 7 об.) чортъ[-]посоль величаво; мои верныя слуги Ефремка съ Хритошкой въ одинъ мигъ и разобрались, да и другимъ внушили, что астрономія[-]то и есть новое, а новое такъ и есть новое, новое лучше стараго, еще величавее сказалъ чортъ[-]посоль. Хвалю сказалъ сатана торжествующе, а скажи[,] другъ мой[,] отчего это у тебя такія потери въ здоровьи, а это отого[,] мой повелитель: отъ скворцовъ Валаамских[ъ][,] они въ меня стреляли перекрестнымъ огнемъ, – когда я тамъ вводилъ – новое[,] старое[-]то тамъ пока сидить крепко[,] ну да можетъ быть и вырвемъ при помощи астрономій – оно прямое доказательство къ новому: подойди поближе ко мнѣ; как[-]то дружески сказалъ сатана, подошоль посоль, – всталъ сатана – обнялъ дранаго чорта[-]посла Валаамскаго и поцеловалъ его, потомъ посадилъ его рядомъ съ собою // (л. 8) и для посрамленія другихъ и въ знакъ особой милости сатаны, надель на его голову свою корону. Живо распорядился сатана[,] велель позвать врачей и техниковъ, поправить здоровье Валаамскаго посла, а за самоотверженную службу – рога позолотить: какъ только здоровье поправится у этаго дранаго чорта-посла, то онъ-же опять приедетъ на Валаамъ въ качестве посла[,] и тогда приедетъ съ нимъ еще и его секретарь (арх[іепископъ] Германъ¹¹), тогда ужъ и будетъ все по[-]новому, ходять слухи[,] что и солнце-то будетъ всходить и заходить по[-]новому. Вдругъ монахъ проснулся и самъ себе неверить отъ радости, какъ это я изъ ада ушоль? гм; какая странность[,] и черти-то въ аду знаютъ[,] что у насъ на Валаамѣ новый стиль, – право чудно что-то[.] Всталъ монахъ[,] вытянулся во весь свой ростъ и промолвилъ: надену на себя коженую сумку, да палку суковатую // (л. 8 об.) потолще возьму и, поиду странствов[ать][,] возвещать всему миру о Валаамско[мъ] сумасшествій^к... Монахъ смолкъ: тол[ько] губы что-то шевелились – видимо онъ творилъ напутственную молитву[,] потомъ вдругъ громко и решительно сказалъ: Аминь... Будетъ такъ...

Авторъ сей статьи даетъ прямое ук[а]заніе на лицъ[,] описанныхъ здесь; автор[ъ] называетъ игум[ена] Павлина – Попкой, это вполне правильное наименованіе. игум[ен] Павлин[ъ] характера дерзкаго и несамостояте[л]ьнаго и большой трусь: іеросхимонахъ Ефре[мъ] (духовник[ъ]) [-] это хитрый и краине нахальн[ый] и находчивый человекъ. іеромонахъ Харит[онъ] (економъ) очень умный, вкрадчивый и наст[о]ящій сыщикъ; сказать поправде[,] онъ и управляетъ обителью; Андреи (благочинный)[,] Ефр[е]ма и Харитона – шпіонъ. Ефремъ и Харитонъ н[а]ходятся между собою въ тесной дружбе и всегда находятся при игуменѣ; такъ что //

НАРК. Ф. 762. Оп. 1. Д. 121. Л. 2–8 об.
Рукописный беловой экземпляр того времени

⁹ исправлено коричневыми чернилами из ранее написанного: кусой;

^к исправлено коричневыми чернилами из ранее написанного: сумасшествій.

Комментарии

¹ Ленин (Ульянов) Владимир Ильич (1870–1924), революционер-марксист, советский государственный и политический деятель, создатель РСДРП(б) и советского государства, первый председатель советского правительства. С 1893 г. – член РСДРП–РСДРП(б)–РКП(б). В 1905–1907, 1912–1924 гг. – член ЦК РСДРП–РСДРП(б)–РКП(б). В 1907–1912 гг. – кандидат в члены ЦК РСДРП. В 1917 г. – член Политбюро ЦК РСДРП(б), 1919–1924 гг. – член Политбюро ЦК РКП(б). В 1917–1924 гг. – председатель Совнаркома РСФСР. В 1923–1924 гг. – председатель Совнаркома СССР. В 1918–1923 гг. – председатель Совета рабочей и крестьянской обороны – Совета труда и обороны РСФСР. В 1923–1924 гг. – председатель Совета труда и обороны СССР.

² Имеется в виду бомбардировка советской авиацией в ходе подавления в марте 1921 г. вооруженного восстания гарнизона военно-морской крепости Кронштадта, экипажей некоторых кораблей Балтийского флота и жителей города, протестовавших против большевистской диктатуры и политики «военного коммунизма». В ходе штурма, осуществленного лояльными большевикам частями Красной армии, в течение нескольких дней батареи и корабли восставших подвергались интенсивным бомбовым ударам авиации количеством до 30 самолетов. По подсчетам исследователей, было выполнено 137 боевых вылетов и сброшено около 2700 кг авиабомб. Около восьми тысяч восставших смогли уйти в Финляндию, боевые самолеты которой противодействовали советской авиации, а находившиеся там русские эмигранты приветствовали антибольшевистское восстание и поддерживали его участников.

³ Митрополит Вениамин (Казанский) был приговорен 5 июля 1922 г. к высшей мере наказания по процессу над петроградским духовенством и верующими, сопротивлявшимся кампании по изъятию церковных ценностей. По решению Петроградского ревтрибунала, к расстрелу тогда было приговорено десять осужденных, после помилования шестерых из них, в ночь с 12 на 13 августа 1922 г. вместе со святителем были казнены архимандрит Сергей (Шейн), адвокат Иван Ковшаров и профессор Юрий Новицкий. Все они ныне причислены к лику святых Русской православной церкви.

Вениамин, в миру Василий Павлович Казанский (1873–1922), митрополит Петроградский и Гдовский. Родился в семье священника Олонецкой епархии. В 1893 г. окончил Олонецкую духовную семинарию, в 1897 г. – Петербургскую духовную академию. В 1895 г. пострижен в монахи, рукоположен в иеродиакона, на следующий год – в иеромонаха. С 1897 г. преподавал в Рижской, Холмской, Петербургской духовных семинариях. С 1902 г. – ректор Самарской духовной семинарии, архимандрит. С 1905 г. – ректор Петербургской духовной семинарии. В 1910 г. хиротонисан в епископа Гдовского, викария Петербургской епархии. С 1917 г. – епископ, а затем архиепископ Петроградский и Ладужский, митрополит Петроградский и Гдовский. Участвовал в работе Поместного собора 1917–1918 гг. В 1919 г. управлял временно Олонецкой епархией. В мае 1922 г. не признал законность обновленческого Высшего церковного управления, остался верен привлеченному к судебной ответственности патриарху Тихону. В мае 1922 г. арестован по делу о сопротивлении изъятию церковных ценностей. Приговорен к высшей мере наказания, расстрелян. В 1990 г. реабилитирован. В 1992 г. Архиерейским собором Русской православной церкви причислен к лику святых как священноисповедник.

⁴ Павлин, в миру Петр Тимофеевич Мешалкин (1866–1935), игумен, настоятель Валаамского монастыря. В 1893 г. поступил в монастырь, с 1894 г. – послушник. В 1898 г. принял монашество, в 1899 г. рукоположен в иеродиакона, в 1900 г. – в иеромонаха. С 1907 г. – благочинный монастыря. В 1908 г. назначен наместником монастыря. В 1918 г. избран братией настоятелем монастыря. В 1921 г. утвержден в этой должности с возведением в сан игумена. В 1933 г. уволен на покой, возведен в сан архимандрита. В 1935 г. пострижен в великую схиму с именем Павел.

⁵ Ефрем, в миру Григорий Иванович Хробостов (1871–1947), иеросхимонах, духовник Валаамского монастыря. В 1883 г. поступил в монастырь, в 1894 г. определен в послушники. В 1895 г. пострижен в монашество с именем Георгий. В 1897 г. рукоположен в иеродиакона, в 1899 г. – в иеромонаха. Состоял священником в Салминском и Шустаймском приходах Финляндии. В 1907–1909 гг. – настоятель Николо-Мирликийского храма в Петербурге, духовник представителей Дома Романовых. С 1915 г. – активный участник создания Смоленского скита Валаамского монастыря. В 1919 г. пострижен в великую схиму с именем Ефрем, проживал в Смоленском скиту. С 1925 г. исполнял обязанности духовника монастыря, в 1927 г. утвержден в этой должности.

⁶ Харитон, в миру Хрисанф Николаевич Дунаев (1872–1947), игумен, наместник Валаамского монастыря. В 1894 г. он поступил в монастырь, в 1897 г. был определен в послушники. В 1905 г. пострижен в монашество. В 1908 г. рукоположен в иеродиакона, в 1910 г. – в иеромонаха. В 1909–1927 гг. – монастырский эконом. С 1925 г. исполнял обязанности наместника монастыря. В 1927 г. утвержден в этой должности. В 1932 г. назначен благочинным монастырей Финляндии. В 1933 г. избран братией настоятелем монастыря, возведен в сан игумена. В 1947 г. пострижен в великую схиму с сохранением имени Харитон.

⁷ Андрей, в миру Алексей Грачев (1876–1948), иеромонах, благочинный Валаамского монастыря. В 1906 г. поступил в монастырь. В 1909 г. стал послушником. В 1911 г. пострижен в монахи. В 1917 г. поставлен в сан иеродиакона, в 1922 г. – в сан иеромонаха. Исполнял послушание фельдшера при монастырской больнице. С 1921 по 1933 г. – заведующий братской больницей и аптекой. С 1925 г. исполнял обязанности благочинного монастыря, в 1926 г. утвержден в этой должности. С 1935 по 1940 г. состоял в Монашеском совете.

⁸ По всей видимости, имеется в виду астрономический метод определения Пасхи и других подвижных церковных праздников, который в качестве варианта унификации пасхалии был предложен Всеправославным совещанием в Константинополе в мае-июне 1923 г. при переходе от старого к новому календарному стилю. В XVIII–XIX вв. таким способом рассчитывалась дата Пасхи протестантами Германии и Швеции. В определении Всеправославного совещания говорилось: «...даты переходящих праздников устанавливаются в зависимости от даты празднования Св[ятой] Пасхи, отмечаемой в воскресенье, следующее за 1-м полнолунием после дня весеннего равноденствия, определяемого “на основе астрономических расчетов с учетом достижений науки” и с учетом времени св[ятого] града Иерусалима» (*Якимчук И.З.* «Всеправославный конгресс» // Православная энциклопедия. М., 2005. Т. 9. С. 682).

⁹ Сисой, в миру Семен Тепленев (1855–1931), схимонах. В 1886 г. поступил в монастырь. В 1890 г. определен в послушники, в 1893 г. пострижен в монашество с именем Серафим. Исполнял послушание уставщика. В 1901 г. пострижен в великую схиму с именем Сисой. Около 30 лет пребывал в пустыньке близ Коневского скита, в последние годы жизни переселился в монастырь, находился в братской больнице.

¹⁰ Вероятно, имеется в виду Пионий, в миру Павел Иванович Афонин (1862–1945), схимонах. В 1883 г. пришел в монастырь. В 1890 г. стал послушником. В 1893 г. принял монашество с именем Питирим. Исполнял послушание на клиросе, которое проходил в скиту Всех святых и при монастырской часовне в Петербурге. В 1907 г. пострижен в великую схиму с именем Пионий, определен в скит Иоанна Предтечи. Друг схимонаха Сисоя (Тепленева) и иеросхимонаха Ефрема (Хробостова).

¹¹ Герман, в миру Герман Васильевич Аав (1878–1961), архиепископ Карельский и всея Финляндии. В 1900 г. окончил Рижскую духовную семинарию. В 1904 г. рукоположен в иерея, служил в сельских приходах Рижской епархии Русской православной церкви, а с 1920 г. – Эстонской православной церкви. В 1922 г. на Соборе Финляндской православной церкви избран викарием архиепископа Финляндского. В июле 1923 г. в Константинополе, без пострижения в монашество и согласия архиепископа Финляндского, наречен и поставлен в епископа Сортавальского, викария архиепископа Финляндского. В ноябре 1923 г. на Соборе Финляндской православной церкви назначен епископом Карельским. С 1924 г. управлял Финляндской православной церковью. В 1925 г. на Соборе Финляндской православной церкви избран ее предстоятелем с титулом архиепископа Карельского и всея Финляндии. В августе 1925 г. утвержден в этой должности президентом Финляндии.

Литература

Афанасий (Нечаев), архимандрит. От Валаама до Парижа. М., 2011. 224 с.

Иеромонах Поликарп (Шорин Петр Васильевич) (1874–?) [Электронный ресурс]. URL: https://zarubezhje.narod.ru/mp/p_144.htm (дата обращения: 17.11.2021).

История литературы Карелии / ред. Ю.И. Дюжев. Петрозаводск, 2000. Т. 3. 456 с.

Кузнецов В.А. Русское православное зарубежное монашество в XX в.: биографический справочник. Екатеринбург, 2015. 448 с.

Московское подворье Валаамского монастыря. Страницы истории подворья. Иеромонах Поликарп (Шорин) [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/wall-24488299_4254 (дата обращения: 17.11.2021).

Охотина-Линд Н.А. «Сказание о Валаамском монастыре»: Исследование, текст, перевод с древнерусского, комментарии. СПб., 1996. 256 с.

Паперно И. Советская эпоха в мемуарах, дневниках, снах. Опыт чтения. М., 2021. 320 с.

Петров С.Г. Переход Валаамского монастыря на новый календарный стиль в освещении иеромонаха Памвы (Игнатьева) // Исторический курьер. 2020. № 2 (10). С. 84–112. URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-2-07.pdf> (дата обращения: 17.11.2021).

Русская демократическая сатира XVII в. / изд. подг. В.П. Адрианова-Перетц. М.; Л., 1954. 292 с.

Урало-сибирский патерик: тексты и комментарии: в 3 т. / изд. подг. Н.Н. Покровский, О.Д. Журавель, Н.Д. Зольникова. М., 2014. Кн. 1 (Т. 1–2). 464 с.; 2016. Кн. 2 (Т. 3). 296 с.

Центральный государственный архив Карельской АССР: путеводитель / под ред. Н.Ф. Славина. Петрозаводск, 1963. 334 с.

Шевченко Т. Введение нового стиля (григорианского календаря) в Валаамском монастыре в 20–30-е гг. прошлого столетия: Приложения. Аннотированная опись документов [Электронный ресурс]. URL: www.golubinski.ru/suomi/shevchenko_valaam_stil_ist.htm (дата обращения: 17.11.2021).

Якимчук И.З. «Всеpravославный конгресс» // Православная энциклопедия. М., 2005. Т. 9. С. 680–683.

Яровой О.Я., Смирнова И.А. Валаамский монастырь и Православная церковь в Финляндии. 1880–1930-е гг. (из истории финнизации православной конфессии). Петрозаводск, 1997. 204 с.

References

Adrianov-Peretz, V.P. (Ed.) (1954). *Russkaya demokraticeskaya satira XVII v.* [Russian Democratic Satire of the 17th Century]. Moscow, Leningrad. 292 p.

Athanasius (Nechaev), archimandrite (2011). *Ot Valaama do Parizha* [From Balaam to Paris]. Moscow. 224 p.

Dyuzhev, Yu.I. (Ed.) (2000). *Istoriya literatury Karelii* [History of Literature in Karelia]. Petrozavodsk. Vol. 3. 456 p.

Iyeromonakh Polikarp (Shorin Petr Vasil'yevich) (1874–?) [Hieromonk Polycarp (Shorin Petr Vasilyevich) (1874–?)]. Available at: URL: https://zarubezhje.narod.ru/mp/p_144.htm (date of access 17.11.2021).

Kuznetsov, V.A. (2015). *Russkoe pravoslavnoe zarubezhnoe monashestvo v XX v.: Biograficheskiy spravochnik* [Russian Orthodox Overseas Monkhood in XX Century: Biographical Directory]. Yekaterinburg. 448 p.

Moskovskoye podvor'ye Valaamskogo monastyrya. Stranitsy istorii podvor'ya. Iyeromonakh Polikarp (Shorin) [Moscow Courtyard of the Valaam Monastery. Pages of the History of the Courtyard. Hieromonk Polycarp (Shorin)]. Available at: URL: https://vk.com/wall-24488299_4254 (date of access 17.11.2021).

Okhotina-Lind, N.A. (1996). “*Skazaniye o Valaamskom monastyre*”: *Issledovaniye, tekst, perevod s drevnerusskogo, kommentarii* [“The Tale of the Valaam Monastery”: Research, Text, Translation from Old Russian, Comments]. St. Petersburg. 256 p.

Paperno, I. (2021). *Sovetskaya epokha v memuarakh, dnevnikakh, snakh. Opyt chteniya* [The Soviet Era in Memoirs, Diaries, Dreams. Reading Experience]. Moscow. 320 p.

Petrov, S.G. (2020). *Perekhod Valaamskogo monastyrya na novyy kalendarnyy stil' v osveshchenii ieromonakha Pamvy (Ignat'yeva)* [The Transition of the Valaam Monastery to a New Calendar Style as Covered in the Diary of Hieromonk Pamva (Ignatiev)]. In *Istoricheskiy kur'yer*. No 2 (10), pp. 84–112. Available at: URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-2-07.pdf> (date of access 17.11.2021).

Pokrovsky, N.N., Zhuravel, O.D., Zolnikova, N.D. (Eds.) (2014). *Uralo-sibirskiy paterik: teksty i kommentarii* [Ural-Siberian Paterik: Texts and Comments]. Moscow. Part 1, vol. 1–2. 464 p.

Pokrovsky, N.N., Zhuravel, O.D., Zolnikova, N.D. (Eds.) (2016). *Uralo-sibirskiy paterik: teksty i kommentarii* [Ural-Siberian Paterik: Texts and Comments]. Moscow. Part 2, vol. 3. 296 p.

Shevchenko, T. *Vvedenie novogo stilya (grigorianskogo kalendarya) v Valaamskom monastyre v 20–30-e gg. proshlogo stoletiya. Prilozheniya. Annotirovannaya opis' dokumentov* [The Introduction of a New Style (Gregorian Calendar) in the Valaam Monastery in the 20–30s. Last Century: Applications. Annotated Inventory of Documents]. Available at: URL: www.golubinski.ru/suomi/shevchenko_valaam_stil_ist.htm (date of access 17.11.2021).

Slavin, N.F. (Ed.) (1963). *Tsentralnyy gosudarstvennyy arkhiv Karelskoy ASSR: Putevoditel* [Central State Archive of the Karelian Autonomous Soviet Socialist Republic: Guidebook]. Petrozavodsk. 334 p.

Yakimchuk, I.Z. (2005). “Vsepravoslavnyy congress” [“Pan-Orthodox Congress”]. In *Orthodox Encyclopedia*. Moscow Vol. 9, pp. 680–683.

Yarovoy, O.Ya., Smirnova, I.A. (1997). *Valaamskiy monastyr i pravoslavnaya tserkov v Finlyandii. 1880–1930-e gg. (iz istorii finnizatsii pravoslavnoy konfessii)* [Valaam Monastery and the Orthodox Church in Finland. 1880–1930 (From the History of Finnization of the Orthodox Denomination)]. Petrozavodsk. 204 p.

Статья поступила в редакцию 20.03.2022 г.